

УДК 37

Круговорот наук в Европе, или ‘Греческий проект’ Петра Великого*

Михаил Михайлович Позднев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.pozdnev@spbu.ru

Для цитирования: Позднев М. М. Круговорот наук в Европе, или ‘Греческий проект’ Петра Великого. *Philologia Classica* 2021, 16 (2), 290–307. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2021.210>

В широко известной речи 1714 г. Петр I изображает Европу единым организмом, в котором, подобно крови, циркулируют «науки». Некогда они изошли из Греции, сюда же им предстоит впасть, утвердившись сперва в России. XVIII век воспринимал это сравнение как реальную политическую программу: европейская культура, по плану царя, должна вернуться в Грецию на русских штыках. Толкование в духе «греческого проекта» Екатерины рождается вместе с ним и держится вплоть до конца столетия. Не подтверждая, но и не оспаривая мнения предшественников, XIX век предпочитает усматривать в словах Петра гордость успехами русского просвещения, внедренного за два десятилетия реформ. Отягощенный багажом литературных ассоциаций, век XX трактует петровскую аналогию как общее место барочной риторики, привычную эпохе и, по сути, ни к чему не обязывающую метафору *translatio studii*. Речь дошла в нескольких ранних свидетельствах. Бесспорно подлинная, она стала частью петровского мифа, так и не став предметом источниковедческого анализа. Не выясненным в итоге остался ее исторический контекст, а с ним и ее тенденция, запланированный оратором смысл. Сопоставительный анализ приводит к выводу о происхождении всех переданных вариантов из общего источника. Архетипом послужил текст Ф.-Хр. Вебера, прочие версии представляют собой непосредственные или ступенчатые заимствования, сопровождавшиеся обдуманной правкой. Разбирая соответствующие параграфы записок Вебера, обнаруживаем что пафос речи, обусловленный злободневными задачами

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) 20-012-42005 («Петровская эпоха»). Автор посвящает ее своему учителю — А. К. Гаврилову в год его 80-летия. Эту од красноречия Петра и его разноязычных свидетелей уместно посвятить корифею петербургского антиковедения, благодаря которому многоязычие стало в нашей филологии будничным, сама же она остается русской, приобретая европейскую внешность. За ценные справки и помощь в поиске искренне благодарим Е. В. Анисимова (возможностью учиться у которого мы также обязаны юбилею) и, особенно, Е. Л. Ермолаеву.

петровской политики, сводится к восхищению культурой западных европейцев. Понять, чем мотивирована стержневая идея (Греция — сердце европейского просвещения), помогает историко-культурный контекст: незадолго до описываемого эпизода царь оказался в роли слушателя греческой речи, произнесенной ребенком — шестилетним сыном образованного в европейском духе молдавского князя Димитрия Кантемира, одного из наиболее дорогих Петру внешнеполитических союзников.

Ключевые слова: Петр I, *translatio studii*, греческий проект, Димитрий Кантемир.

Торжественную речь, произнесенную Петром на корабле «Принцес»¹ («Илья Пророк»?² «Шлиссельбург»?³) после спуска корабля на воду (после Гангутской победы?⁴) 27 апреля⁵ (6 мая? 9 сентября? 28 сентября?⁶) 1714 года во время застолья со старой московской знатью⁷ (сенаторами? морскими офицерами?), процитируем сперва по единственному из прижизненных (о чем см. ниже) источников, в котором она излагается на языке говорившего:⁸

¹ Анисимов, Биохроника, по указанной дате.

² Брикнер 1881, 54.

³ Голиков 1788, 372; Анисимов 2008, 148.

⁴ Писарев 1743, л. 201–201v (см. прим. 8; Катифоро приводит речь непосредственно перед описанием гангутской битвы [Catiforo 1748, 237–238]; Писарев перенес текст речи, указав на полях то место источника [стр. 240], где, по его мнению, он должен помещаться); Voltaire 1878 [1763], 554; Bruce 1782, 133.

⁵ См. прим. 1. При определении места и даты Е. В. Анисимов, так же как и А. Брикнер, исходит из сопоставления данных Вебера (Weber 1721, 10) с «Походным журналом» 1714 г. (СПб, 1854, 18–19; 102–104; 156). Последние содержат названия кораблей и точную дату спуска на воду, комментарий исчерпывается обычным «веселились довольно» (стр. 18). Трудность в том, что в книге Вебера на полях указан только месяц и год; пространное описание интересующего нас эпизода помещено между апрелем и маем 1714. Заметим, что на палубе, а тем более в каюте (журнал сообщает, что 28.04 «был гром и молния, и дождь») шнявы «Принцесса» разместилось бы меньше гостей, чем на борту фрегата «Святая Илья», сошедшего со стапелей 6 мая (ст. ст.), но и в том, и в другом случае их едва ли было много.

⁶ См. прим. 3 и 5. Голикову важно, что царь участвовал в закладке «Шлиссельбурга». Еще важнее, что огромный линейный корабль, каким был «Шлиссельбург», мог вместить многолюдное общество, достойным которого историку показалась программная речь Великого Петра. По той же логике Д. С. Лихачев (1985, 382) приурочивает речь о науках к спуску на воду знаменитой «Полтавы» (см. прим. 38).

⁷ Weber 1721, 10; Voltaire 1878 (1763), 554. О вариантах, предложенных другими авторами, скажем в дальнейшем.

⁸ Местоимение первого лица у Голикова — всегда с прописной, что противоречит общей тенденции речи, а в иных местах и опасно: «нерадением *Наших* предков» — неужели Петр публично сказал бы подобное о *своих* предках? В другом раннем изложении — в предисловии переводчиков (С. И. Писарева и Г. Дандоло) к «Философии нравоучительной» Эмануила Тезаура (1764) — слово «наши» — со строчной буквы. Авторы приводят отрывок петровской речи, причем с заметными отличиями от «списанного» Голиковым у Крекшина текста: «Историки доказывают, что первый и начальный наук престол был в Греции, откуда, по несчастию, принуждены были оне убежать, и скрыться в Италии, а по малом времени рассеялись уже по всей Европе; но нерадение наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти их не допустило. Я не хочу изобразить другим каким-либо лучшим образом сего наук прехождения, как токмо циркуляциею или обращением крови в человеческом теле: да и кажется, я чувствую некоторое в сердце моем предуведение, что оныя науки убегут когда-нибудь из Англии, Франции и Германии и перейдут для обитания между нами на многия веки, а потом уже возвратятся в Грецию на прежнее свое жилище» (Писарев, Дандоло, 1764, 2-2v). Стиль здесь более аутентичен, и именно этот текст, а не версию Голикова цитирует С. И. Николоаев в начале первой главы «Литературной культуры Петровской эпохи». Однако источником Писарева, вероятно, служит отредактированный им же перевод соответствующего отрывка Антонио Катифоро. Перевод «Vita di Pietro» выполнен Писаревым в 1743 г., но опубликован только

«Товарищи! Есть ли кто из вас такой, кому бы за двадцать лет пред сим пришло в мысль, что он будет со мною на Балтийском море побежать неприятелей на кораблях, состроенных нашими руками, и что мы переселимся жить в сии места, приобретенные нашими трудами и храбростью. Думали ль вы в такое время увидеть таких победоносных солдат и матросов, рожденных от российской крови, и град сей, населенный россиянами и многим числом чужестранных, мастеровых, торговых и ученых людей, приехавших добровольно для сожития с нами? Чае ли вы, что мы увидим себя в толиком от всех владетелей почитании?»

Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции, но кои, судьбиною времян бывши из оныя изгнаны, скрылись в Италии и потом рассеялись по Европе до самыя Польши; но в отечество наше проникнуть воспрепятствованы нерадением наших предков, и мы остались в прежней тьме, в каковой были до них и все немецкие и польские народы. Но великим прилежанием искусных правителей их отверзлись им очи, и со временем соделались они сами учителями тех самых наук и художеств, какими в древности хвалилась одна только Греция. Теперь пришла и наша черед, ежели только вы захотите искренно и беспрекословно вспомоществовать намерениям моим, соединя с послушанием труд, памятуя присно латинское оное присловие: *молитесь и трудитесь*.

Науки коловращаются в свете на подобие крови в человеческом теле, и я надеюсь, что они скоро переселятся и к нам, и, утвердя у нас владычество свое, возвратятся, наконец, и на прежнее свое жилище в Грецию. Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть и при жизни еще нашей, пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величеством твердой и громкой славы».⁹

Так слова царя передает И. И. Голиков в четвертой части «Деяний Петра Великого», сопровождая цитату неожиданными — как почти все в нашем сюжете — примечаниями: «Сию речь списал я у господина комиссара Крекшина. Впрочем, согласна она и с писателями, помещающими оную при описании жизни сего монарха». Удивляет, что в качестве первоисточника, наиболее близкого времени рассказа, использованы не те самые писатели (Вебер, Брюс и др.), а П. Н. Крекшин, чья склонность к вымыслу заслужила ему уже у современников славу баснописца.¹⁰ Не-

в 1772 (вторым изданием — в 1788; обе книги уже в 19 в. стали редкостью). Все характерные обороты присутствуют в сохранившемся черновом рукописном варианте: «историки доказывают», неуклюжий «каттедр наук», превращенный затем в «престол» («Sitz der Wissenschaften» у Вебера), «по несчастному несогласию времен», «по малом времени», и примечательно петровское «я не хочу уподобить другим каким образом сего происхождения наук <как> токмо циркуляции или обращению крови в человеческом теле» (Писарев 1743, л. 201–201v). Писарев, очевидно, читал книгу Вебера (см. ниже, прим. 29); кроме того, он был талантливым стилистом, хорошо представлявшим себе петровский слог, яркой чертой которого является смешение славянской лексики с латинизмами. При этом важнейший для Петра — как постараемся показать — пассаж о возвращении наук в Грецию у Писарева совершенно смазан. Источником Катифоро, скорее всего, является авторский французский перевод Вебера (ср. Weber 1725, 17: «je comparerois cette circolation des sciences à celle du sang dans le corps humain»).

⁹ Голиков 1788, 373–374.

¹⁰ Ср. Чичулин 1903, 425 (об отзывах Г.-Ф. Миллера; такие же можно отыскать у В. Н. Татищева и др.). Пусть даже суровый вердикт Н. Д. Чичулина: «насколько можно судить по напечатанному произведению Крекшина, его рассказы о Петре Великом не могут иметь исторического значения», отчасти продиктован критическим пафосом соответствующей статьи, как и многих других статей

надежность «сказаний» Крекшина рано становится общим местом в петроведении, особенно же критикуют речи, которые он охотно вкладывает в уста исторических лиц.¹¹ На таком фоне утверждение, что цитируемый текст «согласен» с другими, выглядит уступкой критике, но вместе и попыткой оправдать первого отечественного биографа Петра. Задача автора, однако, в другом — убедить читателя, что цитируемая речь при всей ее злободневности не вымышлена. Ретушируя всегда неровную картину исторической действительности, речи уравнивают историю с литературой, оживляют, а следовательно, осовременивают ее героев. Читатели Голикова, знакомые и с античными историками, и со средневековыми летописцами, это хорошо понимали. Тем любопытнее, что вторым, на сей раз иноязычным, референтом, цитируемым в связи с петровской речью, избран современник не Петра, но самого автора: «Г. Милот придает к сему так: “Сия речь достойна духа того творца, который приготовил такую величайшую перемену. Когда же говорит он, что науки поселятся в его владения, чтобы возвратиться им в Грецию, то не разумели он под сим, что науки и художества перенесут туда некогда сами россияне?”»¹²

К ремарке Мийо (Claude-François-Xavier Millot, 1726–1785) вернемся вскоре, а пока продолжаем следить за мыслью русского историка, спешащего подкрепить счастливую «догадку» архивным материалом. Следует выдержка из письма Петра патриарху Адриану, писанного в Амстердаме 10-го сентября 1697 г.: «...последуя слову Божию, бывшему к праотцу Адаму, трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа победителями, а христиан, тамо будущих, свободителями благодатию Его быть».¹³ Скрывать цель, ради которой подбирались цитаты, после этого ни к чему, и Голиков завершает свой экскурс в риторическом стиле: «Но о! дабы сие великое намерение Петра I совершилось могущею рукою Екатерины II,¹⁴ вызванные на брань клятвopеступным поклонником Магомета».

Замысел Екатерины, к которому отсылают нас заключительные строки, состоял в создании «христианской республики»¹⁵ на европейской территории Порты. Сюжет подробно изучен. Доказано, что идея захвата османской столицы возникла у Григория Орлова: брат фаворита, описывая ему в ноябре 1768 г. задачи мо-

о писателях XVIII века в РБС, вполне очевидно, что основывать на рассказах Крекшина какие-либо конструкции более чем рискованно.

¹¹ Там же, 424: «Свое изложение Крекшин украшает речами действующих лиц, «речи эти — высокопарны, многословны и написаны языком богослужебных книг». Необходимо заметить, что анализируемая речь как раз отличается от обычного стиля речей у Крекшина. Причина в том, что этот текст, видимо, представляет собой перевод. Судя по сведениям о Крекшине, приводимым Чичулиным, возможность того, что он присутствовал на борту новопостроенного судна и лично слышал слова царя о «коловращении наук», исчезающе мала.

¹² Голиков 1788, 374. Дана ссылка на издание «*Éléments d'histoire générale*» 1775 г. (Neuchâtel, Société Typographique, T. 9, 255–256).

¹³ Письма и бумаги 193–194 (№ 186). Текст письма более полно цитируем и разбираем ниже.

¹⁴ Необычное для автора использование в титулатуре цифр — намек на посвящение, украсившее монумент Петру, который был открыт в августе 1782 г., за шесть лет до выхода в свет книги Голикова, — *Petro primo Catharina secunda*.

¹⁵ Так выразилась сама императрица. Ср. Зорин 2004, 51, с цитатой из переписки Екатерины и источниковедческим анализом соответствующей концепции.

рейской экспедиции, ссылаясь при этом на некую «грамоту государя Петра I». ¹⁶ Исследована переписка императрицы с Вольтером, вдохновителем «греческого проекта», ¹⁷ лелеявшим утопию эллинского возрождения. Побуждая своего адресата короноваться в Константинополе, он также обращается к примеру Петра: накануне Прутского похода один посланник якобы спросил, где тот намерен расположить административный центр преобразованного им государства, и царь ответил: «В Константинополе». ¹⁸ Комментарий Голикова по своему идейному настрою совпадает с указанными ретроспекциями, из которых первая сомнительна, вторая анекдотична и обе откровенным образом идеологически мотивированы. Правда, труд Голикова издан двумя десятилетиями позднее, однако Екатерина никогда не оставляла мысли о царьградском триумфе: иллюзию осуществимости проекта подпитывало присоединение Крыма. Последним, кто вспомнил в этой связи о назначенной Петром цели, становится — уже после смерти и Потемкина, и самой Екатерины — поэт С. С. Бобров: место Греции, в которую должны вернуться музы, завершив «эллиптический свой путь», тот самый путь, который описан в речи 1714 г., ¹⁹ занимает Таврида.

Бобров окончил свою поэму в 1798 г. и, несомненно, сверялся с книгой Голикова, приобретшей у русских читателей XVIII–XIX вв. исключительную популярность (знакомой, разумеется, и Н. С. Мордвинову, которому посвящена «Таврида»). Мечта импортировать просвещение в отвоеванную у османов Грецию не успела еще вполне рассеяться. Внушительные по объему и компилятивные по содержанию «Начала всеобщей истории» К.-Ф. Мийо создавались в первой половине 70-х годов. Проект казался политической реальностью, Вольтер всерьез надеялся, что Екатерина обновит в Греции олимпийские игры. ²⁰ Открыв указанную Голиковым страницу

¹⁶ «Если уж ехать, то ехать до Константинополя и освободить всех православных и благочестивых от ига тяжкого. И скажу так, как в грамоте государь Петр I сказал: а их неверных магометан согнать в степи песчаные на прежние их жилища. А тут опять заведется благочестие и скажем слава Богу нашему и всемогущему». Цит. по: Зорин 2004, 50, с библиографическими указаниями.

¹⁷ *Ib.* 39–45.

¹⁸ Voltaire 1878, 492 (A Catherine II, 1, 11, 1773): «N'ai-je pas entendu dire qu'avant la campagne du Pruth, un ambassadeur demandant à Pierre I, où il prétendait établir le siège de son empire, il répondit: à Constantinople». Источник Вольтера попытаемся угадать позднее.

¹⁹ «Период славный просвещения, / о коем бесподобный Петр / пророчески провозвещал». Анализ отрывка с учетом историко-политического фона: Зорин 2004, 118–120. Возможно, о смысле проведенного в речи Петра сравнения задумывалась и Екатерина, писавшая Вольтеру 10.02.1773: «Je lis présentement les œuvres d'Algarotti. Il prétend que tous les arts et toutes les sciences sont nés en Grèce» (Reddaway 1931, 180; *cp.* Algarotti 1772, 249). Аналогия напрашивается. Представление о том, что культура зародилась в Греции, давно успело стать общим местом; поэтому его так старается опровергнуть Вольтер в ответном письме, *op. cit.* 696: «Je crois, qu'Algarotti se trompe, s'il dit que les Grecs inventèrent les arts. Ils eu perfectionnèrent quelques uns et encore assez tard. Il y avait d'ailleurs un vieux proverbe que les Chaldéens avaient instruit l'Égypte et que l'Égypte avait enseigné la Grèce». Кстати, Бобров в указанном отрывке «Тавриды» начинает «эллиптический путь» муз не из Греции, а из Египта. Вместе с тем показательно, что Альгаротти, хотя и называет греков походя «pères des arts et des sciences», утверждает, собственно, другое, а именно, что в классической Греции впервые появляется множество гениев на сравнительно коротком историческом отрезке. Не исключено, что в памяти читательницы прочно засела иная, важная для нее, мысль, почерпнутая из иного источника, которая и была представлена Вольтеру как смысловая основа эссе Альгаротти, триализирующая его действительное содержание.

²⁰ Зорин 2004, 45, с указанием источников.

Мийо, обнаружим, что единственным источником, по которому воспроизводится «памятная речь», французскому автору служит не кто иной, как Вольтер. Не забыв указать, у кого позаимствована цитата, Мийо без изменений переносит из второго тома «Истории Российской империи при Петре Великом» нижеследующий текст:

«Mes frères, est-il quelqu'un de vous qui eût pensé, il y a vingt ans, qu'il combattrait avec moi sur la mer Baltique dans des vaisseaux construits par vous-mêmes, et que nous serions établis dans ces contrées conquises par nos fatigues et par notre courage? ... On place l'ancien siège des sciences dans la Grèce; elles s'établirent ensuite dans l'Italie, d'où elles se répandirent dans toutes les parties de l'Europe. Les arts circulent dans le monde, comme le sang dans le corps humain; et peut-être ils établiront leur empire parmi nous pour retourner dans la Grèce, leur ancienne patrie. J'ose espérer que nous ferons un jour rougir les nations les plus civilisées, par nos travaux et par notre solide gloire».²¹

«C'est la précis véritable de ce discours digne d'un fondateur», — комментирует Вольтер. «Ce discours est digne du génie créateur qui préparait une si grande révolution», — вторит ему Мийо. Далее, однако, их ремарки различны. Мийо с осторожностью, делающей честь его таланту аналитика, высказывает понравившуюся Голикову идею: «En disant *pour retourner dans la Grèce*, pensait-il que les Russes y reporteraient quelque jour eux-mêmes les arts et les sciences? Quelque hardie que fût la prédiction, on ne pourrait la taxer absolument de chimérique». Ничего подобного нет у Вольтера. И не могло быть: работая над историей Петра в конце 50-х — начале 60-х годов, переписываясь с Шуваловым, получая у себя в Делис справки и рекомендации от Ломоносова и Миллера, философ не мог догадаться о том, как изменится русская политика десятилетие спустя. Современные созданию книги события не давали ни малейшего повода предугадать разворот геополитических стремлений России к югу; последовавшее вскоре после заключения мира с Пруссией введение «северной системы» Н. И. Панина ясно показывает, на чем было сфокусировано внимание европейской дипломатии в конце Семилетней войны. К восхищению реформатором Вольтер не добавляет поэтому ничего, кроме историко-филологического комментария, ценного для выяснения исходного смысла сохраненных разноречивой традицией слов Петра. Указав, что переводы лишают красноречие монарха его подлинной силы («il [le discours] a été énérvé dans toutes les traductions»), и снова посоветовав усматривать значение речи в том, что она произнесена «par un monarque victorieux, fondateur et législateur de son empire», Вольтер изображает реакцию слушателей: «Les vieux Boiards écoutèrent cette harangue avec plus de regret pour leurs anciens usages, que d'admiration pour la gloire de leur maître; mais les jeunes en furent touchés jusqu'aux larmes».²²

Книге Вольтера о Петре посвящена другая замечательная книга, также достойная статья предметом исследования, — монография Е. Ф. Шмурло, напечатанная в Праге в 1929 г. Готовясь дать оценку едва ли не самой читаемой истории петровского царствования, Шмурло исследовал доступный ее автору материал и сопоставил исходные данные с результатом. Так выяснилась тенденция изучаемого труда: «Принимаясь за историю Петра Великого, Вольтер заранее отказывается вычис-

²¹ Millot 1809 (1775) 182–183; Voltaire 1878 (1763), 554.

²² Voltaire, *loc. cit.* Молодежь «тронутую до слез» добавил художник, но «старые бояре» — результат аналитической работы историка с тщательно отобранными источниками.

лять, сколько свиных пузырей истреблялось на всешутейшем соборе или сколько стаканов водки заставлял выпивать Петр фрейлин своего двора. Задача Вольтера другая: нарисовать картину преобразований величайшего государства в мире, рассказать, что делал царь для блага человечества, как он создал новое государство. Образцом Вольтеру послужит Тит Ливий, повествующий о высоких предметах, а не Светоний с его рассказами и анекдотами из частной жизни». ²³ Иная история и не могла быть написана в XVIII веке, который наряду с уроками ждал от истории «интересного, увлекательного чтения». Вольтер и сам уравнивал историю с трагедией. Но в то же время Вольтер рисует нам «резвенную правду», биография Петра у него «впервые изложена исторически», свободна от трафаретной риторики, копирования античных портретов и от той «исторической безвкусицы во имя литературного вкуса», которая могла бы приписать герою вымышленную речь. «Прежде чем автор позволит Петру обратиться с речью к окружающим на празднестве по случаю Гангеудской победы, он постарался проверить, действительно ли русский царь произносил эти слова. Правда, Вольтер допустил здесь маленькую неточность; но еще неизвестно, просто ли по неведению, или намеренно, ради краткости изложения: речь царя, как известно, предшествует Гангеудской битве: царь говорил несколькими месяцами раньше, тоже после победы над шведским флотом, но победы более скромной; ²⁴ о ней Вольтер не счел нужным напоминать. Во всяком случае самая речь — факт достоверный, не подлежащий сомнению, поскольку, конечно, остается незаподозренным литературный источник ее — записки Вебера». ²⁵

Остановимся коротко на последнем тезисе исследователя. Слыша от Вольтера об искажении речи «во всех переводах», можно было бы решить, что академики заказали для него точный перевод версии Крекшина или же другой, неизвестной нам, русской версии. Переданные ему материалы Вольтер переплел в два толстых тома. Они хранятся в Публичной библиотеке — те же, которые изучал Шмурло. Петровская речь среди этих бумаг не обнаруживается. Остается ничтожная вероятность того, что листок с переводом не попал в конволюты и затерялся. Однако в повествовании Вольтера присутствует деталь, оставляющая мало сомнений в том, что Шмурло безошибочно определил его главный источник. Ганноверский резидент Фридрих Вебер (Fiedrich-Christian Weber, ок. 1693 — 17.08.1739), ²⁶ прославившийся книгой о петровской России «Das veränderte Russland» (напечатана анонимно в 1721 г., французское издание в авторском переводе и с указанием авторства вышло в 1725 г.), красноречиво описывает нашу сцену: Петр обращается к неким сидящим по обе стороны от него «alten Russen, die dem Beispiel der daselbst mitanwesenden russischen Minister und Generals bisher wenig gefolgt, und die Erfahrung dieser letzteren sich zu keiner Aufmunterung dienen lassen». На слова царя они отзываются бездумным «ей-ей, правда!» ²⁷ и, выразив таким образом

²³ Шмурло 1929, 50. В книге Е. Ф. Шмурло, оконченной в эмиграции, на титульном листе сперва помещено французское название («Voltaire et son oeuvre "Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand"»), по которому ее иногда цитируют.

²⁴ Об этом см. ниже, прим. 49.

²⁵ Шмурло 1929, 113.

²⁶ Даты жизни Вебера выяснены Мартином Клоновски; биографические сведения о ганноверском дипломате, по материалам местных архивов и литературным источникам: Kłonowski 2005, 19–28.

²⁷ Weber 1721, 11: «Je-je, prawda (es ist wahrhaftig war)...»

свою лояльность, «снова обеими руками берутся за то, что составляет для них высшее счастье, иначе говоря, за стакан с водкой».²⁸ В изложении Антонио Катифоро, который не был, в отличие от Вебера, очевидцем описываемой сцены, слушателями царя выступают «*gli principali signori del suo imperio*».²⁹ Мемуары Питера Генри Брюса написаны одновременно с историей Вольтера; показательно, что Брюс, как и Вольтер, приурочивает речь к гангутскому торжеству, помещая ее сразу после разговора Петра с шведским адмиралом Эреншильдом. Согласно Брюсу, слова царя слушают «сенаторы», их реакция описана намного сдержаннее, чем у Вебера, но ясно, что подразумевается та же самая публика: «The senators heard this harangue of their monarch with a most respectful silence, and answered that they were all disposed to obey his orders and follow his example. Whether they were sincere in their declaration is another question». Совпадения Вольтера с Брюсом, чьи записки приняли литературную форму через 40 лет, а впервые напечатаны — почти через 70 лет после события, свидетелем которого он мог быть (и через 25 лет после смерти автора), объясняются, скорее всего, компилятивным характером этих записок в их окончательной редакции.³⁰ В любом случае Вольтер, хорошо изучивший русские реалии, не мог допустить анахронизма, назвав сенаторами кого-либо, кроме членов учрежденного Петром в 1711 г. правительственного органа. У Голикова Петр говорит свою речь «окружающим его морским начальникам и офицерам»; вскоре постараемся объяснить, как возник этот вариант. Очевидно, Вольтер использовал

²⁸ Ib.: «...ergriffen sie wieder mit beiden Händen das Verhältnis ihres höchsten Gutes, ich meine den Weinbrants-Pokal».

²⁹ Catiforo 1748, 237. Первым изданием «*Vita di Pietro il Grande*» вышла в Венеции в 1736 г. Автор не скрывает компилятивного характера своего труда: в Предисловии указано, что жизнь героя описана на основе рассказов немецких, английских и голландских писателей. Речь о науках у Катифоро копирует изложение Вебера («*trent' anni*», например, только у него, ср. в след. примечании); «немецкая одежда» не понравилась Катифоро, он поменял на «французскую»; переводчик Катифоро С. И. Писарев вернул вариант Вебера.

³⁰ Чтобы не быть голословными, приведем отрывок речи о науках в изложении Брюса (в переводе Ю. Н. Беспятых его также цитирует Е. В. Анисимов, см. выше, прим. 1): «Brethren, who is the man among you, who, twenty years ago, could have conceived the idea of being employed with me in ship-building here on the Baltic, and to settle in those countries conquered by our fatigues and bravery? Of living to see so many brave and victorious soldiers and seamen sprung from Russian blood? And to see our sons coming home accomplished men from foreign countries? Historians place the ancient seat of all sciences in Greece; from whence being expelled by the fatality of the times, they spread into Italy, and afterwards dispersed themselves all over Europe; but by the perverseness of our ancestors, they were hindered from penetrating any farther than into Poland... It is now our turn, if you will seriously second my designs, and add to your obedience voluntary knowledge. I can compare this transmigration of the sciences to nothing better than the circulation of the blood in the human body; and my mind almost prognosticates that they will, some time or other, quit their abode in Britain, France, and Germany, and come and settle, for some centuries, among us; and afterwards, perhaps, return to their original home in Greece. In the mean time, I earnestly recommend to your practice the Latin saying *Ora et labora* (pray and work); and in that case be persuaded you may happen, even in your own life-times, to put other civilized nations to the blush, and raise the glory of the Russian name to the highest pitch» (Bruce 1782, 133). В основных чертах копируется текст Вебера. Труд Брюса, как признается он сам в предисловии, был первоначально написан им по-немецки, на его родном языке. Заимствования у Вебера некоторых частных при описании Петербурга в мемуарах Брюса отмечает Ю. Н. Беспятых: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Brus/pred.phtml?id=234> (14.09.21). Но «немецкую одежду» Брюс следом за Вольтером исключил; также поступил и Голиков, — как вскоре поймем, совершенно напрасно. Заметны и другие пересечения: «*il y a vingt ans*» = «twenty years ago», но «vor 30. Jahren» у Вебера: при обращении к наследственной московской знати так явно лучше; «*si vous voulez seconder mes desseins*» = «if you will second my designs»; «*ferons rougir les nations*» = «put other nations to the blush».

текст Вебера, однако заглянул и в труд Катифоро: обе книги были и остаются в его библиотеке.³¹ Отсюда недовольство «всеми переводами», объяснимое презрением историка Петра Великого к будничным подробностям, которое подметил Шмурло. Так появляются «бояре», и, думаем, Вольтер угадал верно.³²

Scripta manent. Вольтер не мог переписать свою историю в духе политики Екатерины, добавив к цитате комментарий, подобный комментарию Мийо. Возможно, он жалел об этом. В мифическом «посланнике», которому Петр поведал о намерении утвердить «le siège de son empire» (ср. «l'ancien siège des sciences») в древней столице Константина, угадывается тень ганноверского посланника Фридриха Вебера. Представление о том, что единственным независимым свидетелем речи Петра является Вебер, укрепилось еще в середине XIX в. и доминирует по сей день. Время процитировать этот источник:

«Wer hat, meine Brüder, sich unter euch vor 30. Jahren träumen lassen, dass ihr mit mir an der Ostsee hier zimmern, und mit einer deutschen Kleidung in denen durch unsere Mühe und Tapferkeit eroberten Ländern eure Wohnstadt aufschlagen; solche tapfere und sieghafte Soldaten und Matrosen aus dem russischen Geblüte, solche geschickte und aus fremden Ländern zu Hause gekommene Söhne, so viel ausheimische Künstler und Handwerksleute in unserem Gebiete und so große Hochachtung auswärtiger Potentaten gegen Uns und euch sehen und erleben würdet.

Die Geschichtsschreiber setzen den alten Sitz aller Wissenschaften in Griechenland, von wannen sie durch das Verhängnis der Zeiten verjaget und in Italien ausgebreitet, hernächst aber in alle europäische Länder verstreuet, durch unserer Vorfahren Unart aber verhindert worden, weiter als in Polen zu dringen, da doch die Polen so wohl als die Deutsche in eben einer solchen dicken Finsternis als wir bishero gelegen und durch unendliche Mühe ihrer Regenten die Augen endlich geöffnet und sich in den Besitz ehemaligen Griechischen Künsten, Wissenschaften und Lebensart gesetzt haben. Nunmehr wird die Reihe an uns kommen, wenn ihr mich in meinem ernstlichen Vorhaben unterstützen und nebst eurem blinden Gehorsam zu einer freiwilligen Erkenntnis und Untersuchung des Guten und Bösen euch bequemen wollet. Ich vergleiche die Reise dieser Wissenschaften dem Umlauf des Geblüts in dem menschlichen Körper und ahndet mich, dass dieselbe dermaleinst ihren Wohnplatz in England, Frankreich und Deutschland verlassen, sich einige Jahrhunderte bei uns aufhalten und hernächst nach ihrer wahren Heimat in Griechenland wiederkehren werden.

Indessen ermahne ich euch das Lateinische Sprichwort *ora et labora* wohl in Obacht zu nehmen und alsdann versichert zu sein, dass ihr vielleicht noch bei unseren Lebzeiten andere gesittete Länder beschämen und den russischen Ruhm auf den höchsten Gipfel setzen werdet».³³

³¹ Альбина 1981, 163; 166. Вебер во французском издании 1725 г.; Катифоро во втором издании 1739 г. Обе книги с пометами чтения. В «*énergé*» прочитывается оправдание литературной форме, которую придал речи сам Вольтер по изучении этих источников.

³² Отсутствие исходной русской записи речи подталкивает к выводу о частичной зависимости текста Голикова от Вольтера. Отметим, что пассаж с бенедиктинским *ora et labora* у Вольтера отсутствует, а в тексте Голикова — не там, где его ставят Вебер, Катифоро и Брюс; «утвердя у нас владычество свое» соответствует «ils établiront leur empire parmi nous», в прочих версиях этого оборота нет. Едва ли текст скомпилировал Крекшин (он умер в год выхода второго тома Вольтеровой истории), и, следовательно, Голиков не просто «списал» речь, но подошел к делу творчески.

³³ Weber 1721, 10–11.

Поучительно находить у исторических писателей XIX в. и новейшего времени различные ‘дополнения’ к приведенному тексту. «Кто бы мог подумать, братцы, — говорил Петр в 1714 году в Риге, осушая стакан на новоспущенном корабле...» Так вводит свой пересказ Вебера И. В. Киреевский.³⁴ Корабль, названия которого Вебер не указывает, спущен на воду, конечно, в Петербурге, «Рига» — эхо дневниковой записи, с которой в «Преображенной России» начинается эпизод: «Es kamen in Riga drei von denen in England erkauften Kriegsschiffen an, und zu Petersburg wurde eines vom Stapel abgelassen, wobei der Csar von sehr aufgeräumten Mute war und von dem glücklichen Fortgang seiner Schiffbauerei verschiedene kluge Urteile fällete».³⁵ Наш славянофил настолько прочно привязан к немецкому источнику, что заставляет Петра адресоваться к боярам по-немецки: комментируя слово «невежество» из собственного перевода речи Вебера, Киреевский замечает: «Петр употребил слово “Die Unart”». А Зорин представляет себе Петра излагающим свою догадку Веберу в доверительной беседе: «Пророчество Петра, о котором написал Бобров, это фраза, сказанная ганноверскому послу К. Веберу и получившая широкую известность в России».³⁶ Причиной обеих ошибок стало, вероятно, то впечатление, которое у читателя Вебера оставляет и сама речь, и следующий за ней пространственный экскурс «über die Unart dieser Leute» (т. е. русских традиционного образа мыслей), с цитатой из «одного француза»: «Les Moscovites sont les plus vains et les plus orgueilleux de tous les hommes, ils regardoient autrefois les autres nations comme des peuples barbares et se croyoient seul polis spirituels et ingenieux... etc.» Над косной толпой подданных, единственные достоинства которых — слепая покорность и животный страх, возвышается властелин — «der erste und klügste Minister, der erfahrenste General, Offizier und Soldat seines Reichs, der gelehrteste unter allen russischen Theologis und Philosophis, ein guter Historicus und Mechanicus, ein geschickter Schiffbauer und noch ein besserer Seemann».³⁷ Автор, которому никакие обстоятельства не навязывали роли панегириста, заставляет своего читателя думать, что культурное общество в России ограничено обществом царя Петра, вернее же — им самим и его иностранными помощниками.

Перепутав лишь дату,³⁸ В. О. Ключевский украшает изложение Вебера беглым карандашом портретиста: «Только раз, в 1713 г., на борту только что спущенного корабля в Петербурге, в одну из тех светлых минут, когда он, довольный успеха-

³⁴ Киреевский 1852, 4. В комментарии Л. Копылова и Н. Лазаревой ошибочно указано, что автор «вольно цитирует по Голикову»: Киреевский 2002: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/pdf/143.pdf> (14.09.21).

³⁵ Weber 1721, 10. Между прочим, Вебер доносит ошибочно: в «Походном журнале» от 15.04.1714 (сообщение Зотова) указано, что три корабля из Англии пришли не в Ригу, а в Ревель. Подобные сведения ганноверский резидент узнавал из третьих рук, причем информанты могли намеренно ввести его в заблуждение.

³⁶ Зорин 2004, 120. Следует отрывок из речи в переводе П. Барсова (1872, 1074–1075).

³⁷ Weber 1721, 11. «Ein gewisser Franzose» — это, вероятно, сам Вебер, писавший на французском — языке своей службы — с той же легкостью, что и на родном немецком (см. также прим. 45).

³⁸ Речь о науках стала частью ‘петровского мифа’, и упоминающие ее писатели о культуре обычно путают больше одной подробности. Ср. Лихачев 1985, 386: «Даже само представление Петра о переходе просвещения из одной страны в другую по часовой стрелке, высказанное им в его речи при спуске корабля «Полтава», было типично барочным». Преломленный в призме историко-культурных ассоциаций образ также восходит к Веберу: линейный корабль «Полтава» был спущен на воду в июне 1712 г., то есть до Гангута, тогда как все прочие источники ставят речь или в прямую связь с победой или относят ее к более позднему времени (см. выше, прим. 1–6).

ми своих усилий, любил оторваться от суетливых ежедневных мелочей и окинуть сделанное широким взглядом, чтобы объяснить окружающим смысл этого дела, он сказал старым боярам, не сочувствовавшим его делу, указывая на новую столицу, флот, на матросов, иноземных мастеров: «Снилось ли вам, братцы, все это 30 лет назад? Историки говорят... и т.д.».³⁹ Мастерский набросок дополняет обзоры документалистов, помогая вписать деталь: «meine Brüder» («mes frères», «fratelli cari», «brethren»), плохо увязывается с «боярами», которых Петр презирал (и, по существу, отменил институт боярства),⁴⁰ или «старыми русскими, не желавшими следовать примеру новых министров и генералов». Думаем, поэтому Голиков заместил бояр морскими офицерами, а обращение «братья», тогда уж и вовсе неуместное, поменял на военное «товарищи». Живо представляя себе кулисы, Ключевский улавливает в словах царя иронию. «Братцы, кто бы мог представить, что вам придется, облачившись в немецкий костюм, плотничать со мной здесь, на Балтике?» Вольтера смутила бытовая деталь: отсюда его «énergé». Однако тот, кто захочет вместе с Ключевским мыслить историческими картинками, не обсахаривая, но и не обедняя реальность, тотчас расслышит шутовской тон, усвоенный Петром в общении со всем, что он обязан был в силу вековой традиции почитать.

Свидетельство Вебера, в отличие от других, трудно считать производным. Первый писатель о Петре, чью книгу мог прочесть ее главный герой, он, кроме того, был настроен излагать события пусть красочно, но предельно близко к правде — от достоверности его изложения зависели действия ганноверского правительства.⁴¹ Для выяснения пафоса проведенного Петром сравнения, особенно — его финальной части, существенно, пожалуй, и то, произнесена речь до или после Гангута. Здесь опять-таки лучше доверять Веберу. В конце лета 1714 года произошла перемена в его дипломатическом статусе: ганноверскому курфюрсту Георгу была предложена английская корона; из представителя небольшого немецкого государства Вебер превращается в посла Великобритании. Едва ли событие, следовавшее за этой переменой, оказалось отмеченным в записях как ей предшествовавшее. Да и в самой речи нет ни намека на победу. Тем более странным было бы, поверив Мийо, Голикову и другим писателям Екатерининского времени, видеть здесь отражение далеко идущих геополитических амбиций.

Мы подходим к главной загадке разбираемого текста. Приведенное Голиковым письмо патриарху Адриану свидетельствует о планах, которые вполне закономерно могли возникнуть у царя после Азовского похода 1696 г. Важно, кроме того, кому адресовано письмо и с какой целью оно написано. Петр оправдывает свои необычные (а в представлении большей части московского общества — прямо безумные) поступки — отъезд за границу, длительное пребывание в Голландии, работу на верфях. Он работает, «последуя слову Божию, бывшему к праотцу Адаму»: физический труд обязателен, потому что «в поте лица твоего снеси хлеб твой» — библейские аллюзии у Петра, получившего основательное христианское образова-

³⁹ Ключевский 1983 (1890–1891), 15–16.

⁴⁰ Ср. Анисимов, Биохроника, 14.10.1715, комментарий на присвоение боярства «князь-игумень» Всеянейшего собора А. П. Голицыной.

⁴¹ Klonowski 2005, 100: «Für den König [sc. Georg I] waren exklusive Informationen des Legationssekretärs Weber das sicherste Mittel, um sich, unabhängig vom Wissen der Berater, ein Bild über die Lande zu machen». То же относится, конечно, и к первым месяцам пребывания Вебера в России, когда Георг Ганноверский еще не был английским королем.

ние, всегда остроумны.⁴² Другое оправдание, опять-таки в глазах духовного главы, должна составить благая цель — «возвратяся, против врагов имени Иисуса Христа победителями, а христиан, тамо будущих, свободителями благодатию Его быть, чего до последнего издыхания пожелав, Церкви святой и вашим молитвам предав себя...»⁴³ Читая эти обращенные к Адриану заверения, рано еще усматривать в них реальный политический план. По окончании Великого посольства выяснилось, что Петр вовсе не собирался продолжать войну, а наоборот, дожидался мира с Оттоманской империей, по заключении которого в августе 1700 г. немедленно была объявлена война Швеции. Но повторим: идея отбить у турок причерноморские земли, попыткой воплотить которую стал Прутский поход 1711 г., теоретически могла возникнуть у Петра и в ту пору, когда он учился кораблестроению в Амстердаме. Допускать, что Петр продолжал вынашивать этот замысел весной 1714 г., через три года после прутской неудачи и меньше, чем через год после того, как был заключен (долгожданный) Адрианопольский мир с Турцией, означает или плохо понимать историю, или исказить ее из конъюнктурных соображений.

Заключительную часть петровской аналогии, делающую речь особенно занимательной для эллиниста, невозможно атетировать.⁴⁴ При всей литературности записок Вебера он едва ли был способен добавить этот текст от себя.⁴⁵ Весной 1714 г. все его дипломатические интересы, как и интересы его ганноверских респондентов, сосредоточены на делах Брауншвейгского конгресса.⁴⁶ Турецкая политика не актуальна, Веберу ни к чему обращать внимание на греков или, точнее, на впитавших византийскую культуру угнетаемых турками причерноморских христиан. Равно беспочвенным было бы предположение о фальсификации всей речи или ее части анонимным переводчиком, хотя между произнесенным и записанным текстом, вероятно, существовал некий посредник: Вебер недавно приехал в Россию

⁴² Ср. толкование на это место кн. Бытия в трактате Иоанна Златоуста «О творении мира» (также приписывается еп. Севериану Гавальскому), беседа на день 6: «Бог не наказывает человека голодом, а подвергает лишениям и трудам. А ты, верный, помысли вот о чем. Если Адам не может есть хлеба без тяжких трудов, то как можем мы без усилий и трудов получить царство небесное?»

⁴³ Далее подпись — Piter, как во всех письмах, начиная с 1693 г. (раздражало ли это адресатов круга патриарха, судить не беремся): Письма и бумаги... 194. Цитируем в современной орфографии, исправив наиболее грубые грамматические ошибки.

⁴⁴ По наблюдению Е. В. Анисимова (Биохроника, от 27.04.1714, ср. выше, прим. 1), различия версий не мешают атрибуции речи Петру: образ мыслей царя во всех изложениях «передан довольно точно».

⁴⁵ Согласно исследованным М. Клоновски материалам, литературные способности Вебера были оценены курфюрстом и его двором: Klonowski 2005, 74–75, цитируется письмо Джона Робтона, из которого следует, что реляции Вебера читала и супруга Георга, просившая посланника «ничего не забывать». Вебер мог позволить себе вольности в стиле (хотелось бы знать, что передает его «ahndet mich», звучащее тверже русского «я предчувствую») и, конечно, всегда сохранял деликатный тон: в занимающий нас момент царь был «весьма в ударе» («von sehr aufgeräumten Muthen») и высказал об успехах своего кораблестроительства «разные умные суждения» («verschiedene kluge Urteile»). Подобное можно считать данью литературности, но трудно думать, что Вебер присочинил или исказил слова Петра в книге, имеющей дневниковый характер и напечатанной всего через шесть лет после описываемых событий. В реляциях Вебера, опубликованных Эрнстом Германном, речь отсутствует: отчеты за конец апреля — начало мая 1714 посвящены в основном политике русского двора, хотя включают также некоторые подробности из жизни Петербурга (Herrmann 1880, 10; 20–23). Переписания реляций с книгой и в целом довольно редки, содержание дневников и отчетов Вебера различно.

⁴⁶ Klonowski 2005, 75–78; Herrmann 1880, 22–23.

и еще недостаточно знал русский.⁴⁷ Мы вряд ли сможем восстановить слова Петра в их исконном звучании. Но содержание речи, надо думать, передано Вебером до мелочей верно, и, значит, царь действительно высказал мысль о возвращении наук в Грецию, которую они некогда покинули.

Представление о *translatio studii*, разумеется, не было в петровскую эпоху ничем оригинальным: о перемещении культурных ценностей из страны в страну Петр высказывался даже до знакомства с Лейбницем, у которого он также мог почерпнуть эту идею, и связанная с *translatio* метафорика выглядит «чисто барочной».⁴⁸ Заметим, однако, что Греции в проведенной Петром аналогии достается исключительная роль. Большой и малый круги кровообращения оставались еще недавним открытием, особенно для русского царя, который должен был узнать о теории Гарвея во время первого европейского путешествия, например когда он посещал анатомический театр в Лейдене осенью 1697 г. Сравнивая миграцию наук с током крови в сосудах тела, Петр делает Грецию как бы сердцем культуры, из которого та исходит и в которое непременно должна вернуться. Пророчество на тот момент вполне утопическое. Чем оно могло быть мотивировано?

Осмотрим заново переданный Вебером текст. Подразнив бояр плотницким делом и немецкой одеждой, Петр указывает на свои новшества, затем — на просвещенных Европой русских сыновей, на приехавших в Петербург европейских мастеров; перейдя к наукам, корит предков за то, что те не дали просвещению продвинуться далее Польши, хвалит немецких и польских правителей, поднявших их народы «из мрака», обещает сделать то же в России, призывает русских преуспеть в «добровольном изучении добра и зла», предлагает родовой московской знати следовать бенедиктинскому девизу (интересно, на каком языке он был произнесен), заверяет, что европейская культура вскоре переместится в Россию и та станет центром наук. Формально Петр обращается к москвичам, но фактически его слова предназначены слуху других гостей — тех, кому эти слова переводят. Его задача — уверить их, что для них в России приготовлен привычный им, устроенный на их лад новый дом. Пользуясь присутствием бояр, он дал понять, насколько европейцы и все европейское ему дороже этих его «братцев». И, видимо, достиг цели: риторика Петра так подействовала на Вебера, что сразу же после цитаты он посвящает русским старого склада несколько критических — на грани резкости — страниц, перемежая критику не менее грубой, хотя, несомненно, искренней, ответной лестью царю. Как и во многих других случаях, сказанное или сделанное Петром, казалось бы, в порыве и по наитию на деле оказывается точно рассчитанным, дальновидным политическим ходом.

Слова о перемещении европейской образованности и учености в Россию вряд ли были рассчитаны на русских слушателей и уж, наверное, — не на московских «бояр», которые, скорее всего, не имели представления о *translatio studii*, а если и имели, то не могли ему сочувствовать: для них Россия остается центром образо-

⁴⁷ Для дипломатических целей Петром была организована представительная служба переводов, возбуждавшая, кстати, интерес Вебера и кратко им описанная (Weber 1721, 31; Geier 2004, 128). Вебер выучил русский не сразу, хотя, по-видимому, изрядно: в 1721 г. он давал в Ганновере уроки русского (вероятно, чтобы отдать долги), причем сообщает в письме, что на изучение этого трудного языка ему понадобилось несколько лет: Klonowski 2005, 186; Geier 2004, 106.

⁴⁸ Николаев 1986, 11–12, со ссылками на параллели.

ванного мира. Тогда как для западных гостей эти слова не только хорошо понятны, но и вызывают у них определенное сочувствие, поскольку произнесены в тот исторический момент, когда Франция утрачивает культурное первенство, а Германия его еще не достигла. Неясно лишь одно: зачем было так настойчиво напоминать, что просвещение родом из Греции, перекочевало на Запад из Византии, предсказывать, наконец, что оно вернется в Грецию, а просвещенные греки — в семью европейских народов. Петр едва ли не первым указал на возможность возрождения светской учености в Греции; современникам тема малоинтересна, у других она не возникает, и о ней бы не вспомнили, не случись похода русской эскадры на Архипелаг в 1769 г. Эллинская тема, проходящая сквозь всю аналогию, особенно ярко высвечена в изложении Вебера: «греческие искусства, науки и образ жизни», «их истинное отечество в Греции» — в производных текстах это сглажено. На чей слух рассчитана эта лесть, кого он хотел обнадеежить?

За разгадкой снова обращаемся к дневнику Вебера. Греческий мотив в речи Петра, возможно, был вдохновлен другой речью, обращенной к нему примерно шесть неделями ранее. 14 марта (н. ст. = 3 марта ст. ст.) 1714 г. в Петербурге праздновали победу, одержанную М. М. Голицыным над шведской армией при Лапполе.⁴⁹ На праздновании присутствовал приехавший из Москвы молдавский господарь Димитрий Кантемир — «ein sehr gelehrter Herr».⁵⁰ Ученость Кантемира была европейского характера, однако византийский элемент в ней присутствовал, скорее даже преобладал. Так же как и в образовании его детей. Сербана и Антиоха учил грек Афанасий Кондоиди. Жена Кантемира, светски образованная и участвовавшая в обучении детей, Кассандра Кантакузен происходила из фанариотских греков. Димитрий многие годы жил в Константинополе, учился в Патриаршей Академии. Среди его сочинений есть, между прочим, и турецкие; в 1697 г. при Зенте он сражался на стороне османов. Во время праздника перед Петром выступил шестилетний (!)⁵¹ Сербан (Щербан) Кантемир с довольно пространной (173 строки) заздравной речью. *Expressis verbis* турки в речи не упоминались, однако сравнения и аллюзии (исключительно библейские) недвусмысленно указывали, какую мысль хочет донести говорящий: «... καθῶς ἐπὶ Κλαυδίου Καίσαρος ἐσώθη ἡ οἰκουμένη τοῦ Ἰησοῦ γεννηθέντος, ἔτι ἐλπίζομεν ἐπὶ Πέτρου τοῦ Αὐτοκράτορος τῆ λύτρωσιν τὴν μεγάλην τοῦ Χριστοῦ ἀναστάντος τῆς Ἐκκλησίας».⁵²

⁴⁹ Weber 1721, 5; Herrmann 1880, 11–12; Кантемир и его сын («mittlerer Prinz») упоминаются и в дипломатических отчетах Вебера, причем сказано, что они приехали в разгар тожества. Согласно «Походному журналу» за 1714 г. (стр. 3), торжественный обед по случаю победы был у Ф. М. Апраксина («с участием сенаторов и посланников, всего 70 персон»: Анисимов, Биохроника, по указ. дате). В такой обстановке произнес свое приветствие младший князь. Видимо, эту победу подразумевал Е. Ф. Шмурло. Она была одержана не в морской битве, и ее трудно назвать «скромной» (вся Финляндия оказалась в руках русских), но мы наблюдали и большую путаницу. Хочется думать, что Шмурло перепутал празднества 14 марта и 27 (?) апреля; два описанных Вебером эпизода оказались в его восприятии связанными.

⁵⁰ См. прим. 49. В отчетах добавлено, что Димитрий прекрасно говорил по-латыни: видимо, на том же празднике, на который он привез Сербана — сказать царю свою речь. Между прочим, известнейшие сочинения Д. Кантемира, в том числе «Описание Молдавии», написаны на латинском: своими трудами он, можно сказать, воплощал *translatio studii* из грекоязычного в латиноязычный мир.

⁵¹ Ср. заглавие речи в печатном экземпляре: Кантемир 1714.

⁵² Lozovan 1981, 30 (vv. 159–164).

Сербан говорил на кафаревусе — языке, на котором его учил Кондоиди и который был принят в семье: красавица Мария Кантемир переписывалась на нем со своим младшим братом, прославленным стихотворцем. Издатель и исследователь греческого текста речи Евгений Лозован полагает, что он был написан Димитрием,⁵³ возможно, соавтором отца был учитель мальчика. Петр, конечно, не понял ни слова, но, по-видимому, дослушал до конца: этого заслуживал один из самых преданных его иностранных друзей, кормивший русскую армию в валахских степях и в итоге потерявший свою страну. (К тому же Кантемир скорбел о недавно умершей жене — Вебер это отмечает.) Вид ребенка, читающего текст на древнем, как всем казалось, греческом языке впечатлил Петра, который, конечно, догадался о действительном авторе панегирика: Сербан получил из рук царя подарок («mit einem Geschenke begnadiget wurde»). Но подарком дело не ограничилось. Речь была немедленно напечатана в славянском и латинском переводе (греческий оригинал остался ждать своих издателей),⁵⁴ несомненно, с ведома и очень вероятно — по просьбе слушателя. Прочитав «Панегирическое всесожжение», вдобавок к византийской учености предполагаемого автора Петр был тронут и его пафосом: «Яко же бо под Клавдием кесарем круг земный от первородного греха спасся Иисусу рождшуся, тако тебе Петру Царствующему великую Церковь Божию прежнюю свою свободу восприяти несумненно надеемся Иисусу воскресшу».⁵⁵

Несбыточность этих чаяний петровское правительство успело осознать; кроме щедрых даров («ansehnliche Herrschaften in der Ukraine, die über 20 000 Rubl. jährlich abwerfen»), утешить Кантемира было нечем. Петр ищет случай обласкать молдавского князя, чья верность стоила тому слишком дорого и нуждалась в поддержке. Греческая ученость семьи Кантемиров подсказывает ему, какой надеждой можно ответить на их неосуществимую при данной политической конъюнктуре надежду. Рождается сравнение *translatio studii* с кровью, вытекающей из сердца и снова впадающей в него. Царь использует первую же возможность донести этот образ до 'целевого слушателя'. Поэтому столь значительная, по общему мнению, речь оказывается произнесенной по столь малозначительному поводу (в 1714 корабли разного тоннажа сходили с петербургских верфей чуть ли не еженедельно), среди малочисленных и, очевидно, не самых благожелательных слушателей. Осторожно, ничего не обещая,⁵⁶ Петр делает комплимент своему ученому другу, ставя его выше даже тех европейцев, у которых науки и искусства нашли свое нынешнее пристанище, и одновременно уверяет изгнанников, что их изгнание не продлится вечно.

⁵³ *Ib.* 10–11 *et passim*.

⁵⁴ R₁ в стемме, предложенной Е. Лозованом (*ib.* 4).

⁵⁵ Кантемир 1714, 12. Ср. на стр. 10: «...новому сему Израилю Твоему, да противу безбожного оного и всему христианству гибельного тирана согласно и дерзновенно реши возможет: горе ти, горе, иже умножил еси тебе, яже не твоя суть. Но доколе: даже до дней великого Петра...»; стр. 12: «Доколе, Господи, доколе прогневаешься? Даже до времен Петра...», и далее: «Пролей убо гнев твой на языки не знающия тебе и на царствия яже имени твоего не признаша... Избави нас, да не когда рекут во языцех: Где есть бог их?»

⁵⁶ Обидчики греков не упомянуты в речи Петра даже намеком. О взятии Константинополя — причине, по которой науки оказались изгнанными в Италию, говорится крайне обобщенно: у Вебера — «durch das Verhängnis der Zeiten», что Голиков [Крекшин?] перевел буквально — «судьбиною времен». Оратор мыслит большими историческими периодами. Пребывание наук в России до их возвращения в Грецию должно продлиться «несколько столетий» — так у Вебера, Брюса и Катифоро, тогда как Голиков и Вольтер это опускают.

Литература

- Альбина Л. Л. Источники «Истории Российской при Петре Великом» Вольтера в его библиотеке. В сб.: Л. Л. Альбина и др. (Ред.) *Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов*. Вып. 2. Л., ГПБ, 1980, 154–170.
- Анисимов Е. В. *Itinera Petri: Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.)*. <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (14.09.2021) [= Анисимов, Биохроника].
- Анисимов Е. В. *Императорская Россия*. СПб., Питер, 2008.
- Барсов П. (Изд.) Записки Вебера. Ч. 1. *Русский архив* 1872, 6, 1057–1168.
- Голиков И. И. *Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам*. Ч. 4. М., Университетская Типогр., 1788.
- Зорин А. *Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века*. М., НЛО, 2004.
- Кантемир С. *Петру Первому <...> Панегирические всесожжение <...>*. Санкт Петербурх, [без указ. изд.], 1714.
- Киреевский И. В. *О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России*. (Письмо к Е. Е. Комаровскому). М., Тип. Ал. Семена, 1852.
- Киреевский И. В. *Разум на пути к истине*. М., Правило веры, 2002.
- Ключевский В. О. Западное влияние в России после Петра (лекции 1890–1891), в сб.: В. О. Ключевский. *Неопубликованные произведения*. М., Наука, 1983, 11–112.
- Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры, в сб.: Д. С. Лихачев. *Прошлое — будущему: статьи и очерки*. Л., Наука, 1985, 382–387.
- Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., Дмитрий Буланин, 1996.
- [С. И. Писарев, Г. Дандоло] Предисловие к кн.: Э. Тезауро. *Философия нравоучительная <...> переведенная с итал. яз. <...> Стефаном Писаревым и Георгием Дандолом*. СПб., Изд. АН, 1764, 1–5.
- Письма и бумаги Петра Великого*. Т. 1. СПб, Гос. Типография, 1887 [= Письма и бумаги Ч[ичулин] Н. Крекшин П. Н. *РБС* IX, 1902, 423–425.
- Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, Орбис, 1929.
- Algarotti F. *Essais sur la question, pourquoi les grands génies paroissent ensemble et fleurissent dans le même temps, dans: Œuvres du compte Algarotti, trad. de l'Italien*. Vol. III. Berlin, Decker, 1772, 219–254.
- Bruce P. H. *Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq., a military officer in the services of Prussia, Russia & Great Britain containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, as also several very interesting private anecdotes of the Czar Peter I of Russia*. London, T. Payne and son, Mewsgate et al., 1782.
- Catiforo A. *Vita di Pietro il Grande imperador della Russia; estratta da varie memorie pubblicate in Francia, e in Olanda*. Venezia, F. Pitteri, ²1748.
- Geier W. *Russische Kulturgeschichte in diplomatischen Reiseberichten aus vier Jahrhunderten*. Sigmund von Herberstein, Adam Olearius, Friedrich Christian Weber, August von Haxthausen. Wiesbaden, Harrasowitz, 2004.
- Herrmann E. *Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Christian Weber's*. Leipzig, Duncker, Humblot, 1882.
- Klonowski M. *Im Dienst des Hauses Hannover. Friedrich Christian Weber als Gesandter im russischen Reich und in Schweden 1714–1739*. Diss. Bonn, Matthiesen, 2005.
- Lozovan E. D. *Cantemir: Le Panégyrique de Pierre le Grand*. Copenhagen, Romansk Institut, 1981.
- Millot C.-F.-X. *Éléments d'histoire générale ancienne et moderne* (1775). T. 9, Paris, Costes, 1809.
- Reddaway W. F. (Ed.) *Documents of Catherine the Great: the Correspondence with Voltaire and the Instruction of 1767, in the English text of 1768*. Cambridge, CUP, 1931.
- Voltaire F.-M. *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*, Tome 2 (1763), dans: *Œuvres complètes de Voltaire* T. 16. Paris, Garnier, 1878
- [Weber F. Chr.] *Das veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist- und weltlichen Regiments <...> in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellt werden*. Frankfurt, N. Förster, 1721.
- Weber F. Chr. *Memoires pour servir à l'histoire de l'empire Russien, sous le regne de Pierre le Grand*. Haye, Johnson et Van Duren, 1725.

The Circulation of Sciences in Europe, or Peter the Great's 'Greek project'

Michael M. Pozdnev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; m.pozdnev@spbu.ru

For citation: Pozdnev M. M. The Circulation of Sciences in Europe, or Peter the Great's 'Greek project'. *Philologia Classica* 2021, 16 (2), 290–307. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2021.210> (In Russian)

In his famous speech of 1714, Peter I depicts Europe as a single organism with Greece as its heart: it is from here that “the sciences,” like blood, once flowed and along the homeward path they run, having first gained a firm foothold in Russia. The 18th century perceived this comparison as a real political program: the similarity was supposed to imply that the European culture should be brought back to Greece on Russian bayonets. This rendering was born with the utopian “Greek project” of Catherine II and lasted until the end of the century. Neither confirming nor contradicting it, the 19th century prefers to see in Peter's words pride in the successes of the Russian enlightenment which was introduced during the two decades of his reformist activity. The 20th century, burdened with the baggage of literary associations, interprets this image as commonplace for baroque rhetoric, a routine metaphor for *translatio studii* with little or no actual political meaning. Undoubtedly authentic, transmitted by several early witnesses, the speech became part of the ‘Petrine myth,’ but, surprisingly enough, was never the subject of critical source analysis. Thus, its historical context and intended meaning remained largely obscured. A comparative study leads to the conclusion that all its renderings originated from a common literary source. The archetypal version was that of F. Chr. Weber, while the other variants are more or less remote copies containing deliberate amendments. A closer look at the relevant paragraphs of Weber's notes reveals the true pathos of the speech. Peter's rhetoric, prompted by his immediate concerns, boils down to an admiration for the culture of Western Europeans. The historical context clarifies what motivates the central image of the simile — Greece as the heart of European enlightenment: shortly before the episode, the tsar was treated to a Greek speech delivered by the six-year-old son of the learned Moldavian prince Dimitrie Cantemir who was one of Peter's principal allies.

Keywords: Peter I, the Greek project, *translatio studii*, Dimitrie Cantemir.

References

- Albina L. L. The Sources of Voltaire's «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand», in: L. Albina *et al.* (eds). *The Problems of Source Study of the Manuscript and Old Print Fonds* 2. Leningrad, State Publ. Library Publ., 1980, 154–170 (in Russian).
- Algarotti F. Essais sur la question, pourquoi les grands génies paroissent ensemble et fleurissent dans le même temps, dans: *Œuvres du compte Algarotti, trad. de l'Italien*. Vol. III. Berlin, Decker, 1772, 219–254.
- Anisimov E. V. *Itinera Petri. Biochronicle of Peter the Great (1672–1725)*. <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (accessed: 10.09.2021) (in Russian).
- Anisimov E. V. *Imperial Russia*. St. Petersburg, Piter Publ., 2008 (in Russian).
- Barsov P. The Notes of Weber. Part I. *Russian archive* 1872, 6, 1057–1168 (in Russian).
- Bruce P. H. *Memoirs of Peter Henry Bruce, Esq., a military officer in the services of Prussia, Russia & Great Britain containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, as also several very interesting private anecdotes of the Czar Peter I of Russia*. London, T. Payne and son, Mewsgate et al., 1782.

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number 20-012-42005.

- Catiforo A. Vita di Pietro il Grande imperador della Russia; estratta da varie memorie pubblicate in Francia, e in Olanda. Venezia, F. Pitteri, ²1748.
- Cantemir S. Petro Primo <...> Panegyricum holocaustum <...> Sankt Petersburg [s. ed.] 1714.
- Ch[ichulin] N. Krekshin P. N. *RBS IX*, 1902, 423–425.
- Geier W. *Russische Kulturgeschichte in diplomatischen Reiseberichten aus vier Jahrhunderten. Sigmund von Herberstein, Adam Olearius, Friedrich Christian Weber, August von Haxthausen*. Wiesbaden, Harrasowitz, 2004.
- Golikov I. I. *The Deeds of Peter the Great, a Wise Reformer of Russia: Collected from Reliable Sources and Organized by Years*. Part 4. Moscow, Univ. Print Publ., 1788 (in Russian).
- Herrmann E. *Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Christian Weber's*. Leipzig, Duncker, Humblot, 1882
- Kantemir S. Petro Primo <...> *Panegyricum holocaustum humillime litat et offert <...> Serban Kantemir <...> ineunte septimo aetatis suae anno*. In Burgo S. Petri, [sine ed.], 1714.
- Kireevsky I. W. *On the Character of European Enlightenment and Its Relation to the Enlightenment of Russia* (Letter to E. E. Komarowsky). Moscow, Typogr. of Al. Semen Publ., 1852 (in Russian).
- Kireevsky I. W. *Mind on Its Way to Truth*. M., Pravilo very Publ., 2002 (in Russian).
- V. O. Kljuchevsky. *Western Influence on Russia after Peter* (Lectures, 1890–1891), in: V. O. Kljuchevsky. *Unpublished Works*. Moscow, Nauka Publ., 1983, 11–112 (in Russian).
- Klonowski M. *Im Dienst des Hauses Hannover. Friedrich Christian Weber als Gesandter im russischen Reich und in Schweden 1714–1739*. Diss. Bonn, Matthiesen, 2005.
- Letters and Papers of Peter the Great*. T. 1. St. Petersburg, State Typogr. Publ., 1887 (in Russian).
- Likhachev D. S. *The Petrine Reforms and the Development of Russian Culture*, in: D. S. Likhachev. *The Past to the Future. Articles and Sketches*. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 382–387 (in Russian).
- Lozovan E. D. *Cantemir: Le Panegyrique de Pierre le Grand*. Copenhagen, Romansk Institut, 1981.
- Millot C.-F.-X. *Éléments d'histoire générale ancienne et moderne* (1775). T. 9, Paris, Costes, 1809.
- Nikolaev S. I. *Literary Culture of the Petrine Epoch*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1986.
- [S. I. Pisarev, G. Dandolo] *Preface to: E. Tesauro. Moral Philosophy <...> Transl. from Italian by Stefan Pisarev, Georgij Dandolo*. St. Petersburg, Akad. Nauk. Publ., 1764, 1–5 (in Russian).
- Reddaway W. F. (Ed.) *Documents of Catherine the Great: the Correspondence with Voltaire and the Instruction of 1767, in the English text of 1768*. Cambridge, CUP, 1931.
- Šmurlo E. *Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand»*. Prague, Orbis, 1929 (in Russian).
- Voltaire F.-M. *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*, Tome 2 (1763), dans: *Œuvres complètes de Voltaire* T. 16. Paris, Garnier, 1878.
- [Weber F. Chr.] *Das veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist- und weltlichen Regiments <...> in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellt werden*. Frankfurt, N. Förster, 1721.
- Weber F. Chr. *Memoires pour servir à l'histoire de l'empire Rusien, sous le regne de Pierre le Grand*. Haye, Johnson et Van Duren, 1725.
- Zorin A. *Nourishing the Double-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the Eighteenth — First Third of the Nineteenth Century*. Moskow, NLO Publ., 2004 (in Russian).

Received: July 23, 2021

Accepted: October 2, 2021